

Муниципальный этап всероссийской олимпиады школьников
по литературе
2021/2022 учебный год

10 класс

Задание №1
Аналитическое задание
(целостный анализ поэтического ИЛИ прозаического текста – по выбору
ученика)

Выполните целостный анализ стихотворения современной поэтессы *Екатерины Евгеньевны Каргапольцевой «Старый дом»*, приняв во внимание следующие аспекты его художественной организации: основной пафос произведения, диктуемый настроением лирической героини; ключевая идея стихотворения, подчёркивающая позицию автора; главный художественный приём, организующий композицию стихотворения; основные художественные образы, выражающие соотносённость представленных миров, и художественные детали, их создающие; а также иные специфические элементы поэтики стихотворения.

Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый, грамотный текст.

Е.Е. Каргапольцева

Старый дом

Не нарушая долгого молчания,
Здесь часто ветер бродит налегке.
Его натужное осипшее дыхание,
Как затяжная песня о тоске.

Побитых окон горькое безволие...
Прости мне, дом,
    блуждающий мой взгляд -
Я только гость в твоих стенах. Не более...
И твой хозяин был бы мне не рад.

Дурного нрава или же весёлого -
В бессонницу до первых петухов
Он не губил свою, пожалуй, голову
И душу тоже чтением стихов.

Но пряный дух весеннего цветения
И рдяный лес по осени вдали
Любил он поэтически. Не менее...
Как всё идущее, наверно, от земли.

26 июня 2018 года

Выполните целостный анализ рассказа *Константина Георгиевича Паустовского (1892-1968) «Ручьи, где плещется форель»*. Обратите внимание на следующие особенности его поэтики: речевую организацию текста, композицию и сюжетную динамику истории; роль заглавия, художественного времени и художественных деталей в повествовании; наконец, постарайтесь сделать вывод о своеобразии авторской позиции в произведении.

Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый, грамотный текст.

К.Г. Паустовский

Ручьи, где плещется форель

Судьба одного наполеоновского маршала – не будем называть его имени, дабы не раздражать историков и педантов, – заслуживает того, чтобы рассказать ее вам, сетующим на скудость человеческих чувств.

Маршал этот был еще молод. Легкая седина и шрам на щеке придавали особую привлекательность его лицу. Оно потемнело от лишений и походов.

Солдаты любили маршала: он разделял с ними тяжесть войны. Он часто спал в поле у костра, закутавшись в плащ, и просыпался от хриплого крика трубы. Он пил с солдатами из одной манерки и носил потертый мундир, покрытый пылью.

Он не видел и не знал ничего, кроме утомительных переходов и сражений. Ему никогда не приходило в голову нагнуться с седла и запросто спросить у крестьянина, как называется трава, которую топтал его конь, или узнать, чем знамениты города, взятые его солдатами во славу Франции. Непрерывная война научила его молчаливости, забвению собственной жизни.

Однажды зимой конный корпус маршала, стоявший в Ломбардии, получил приказ немедленно выступить в Германию и присоединиться к «большой армии».

На двенадцатый день корпус стал на ночлег в маленьком немецком городке. Горы, покрытые снегом, белели среди ночи. Буковые леса простирались вокруг, и одни только звезды мерцали в небе среди всеобщей неподвижности.

Маршал остановился в гостинице. После скромного ужина он сел у камина в маленьком зале и отослал подчиненных. Он устал, ему хотелось остаться одному. Молчание городка, засыпанного по уши снегом, напоминало ему не то детство, не то недавний сон, которого, может быть, и не было. Маршал знал, что на днях император даст решительный бой, и успокаивал себя тем, что непривычное желание тишины нужно сейчас ему, маршалу, как последний отдых перед стремительным топотом атаки.

Огонь вызывает у людей оцепенение. Маршал, не спуская глаз с поленьев, пылавших в камине, не заметил, как в зал вошел пожилой человек с худым, птичьим лицом. На незнакомце был синий заштопанный фрак. Незнакомец подошел к камину и начал греть озябшие руки. Маршал поднял голову и недовольно спросил:

– Кто вы, сударь? Почему вы появились здесь так неслышно?

– Я музыкант Баумвейс, – ответил незнакомец. – Я вошел осторожно потому, что в эту зимнюю ночь невольно хочется двигаться без всякого шума.

Лицо и голос музыканта располагали к себе, и маршал, подумав, сказал:

– Садитесь к огню, сударь. Признаться, мне в жизни редко перепадают такие спокойные вечера, и я рад побеседовать с вами.

– Благодарю вас, – ответил музыкант, – но, если вы позволите, я лучше сяду к роялю и сыграю. Вот уже два часа как меня преследует одна музыкальная тема. Мне надо ее проиграть, а наверху, в моей комнате, нет рояля,

– Хорошо... – ответил маршал, – хотя тишина этой ночи несравненно приятнее самых божественных звуков.

Баумвейс подсел к роялю и заиграл едва слышно. Маршалу показалось, что вокруг городка звучат глубокие и легкие снега, поет зима, поют все ветви буков, тяжелые от снега, и звенит даже огонь в камине.

Маршал нахмурился, взглянул на поленья и заметил, что звенит не огонь, а шпора на его ботфорте.

– Мне уже мерещится всякая чертовщина, – сказал маршал. – Вы, должно быть, великолепный музыкант?

– Нет, – ответил Баумвейс и перестал играть, – я играю на свадьбах и праздничных вечерах у маленьких князей и именитых людей.

Около крыльца послышался скрип полозьев. Заржали лошади.

– Ну вот, – Баумвейс встал, – за мной приехали. Позвольте попрощаться с вами.

– Куда вы? – спросил маршал.

– В горах, в двух лье отсюда живет лесничий, – ответил Баумвейс. – В его доме гостит сейчас наша прелестная певица Мария Черни. Она скрывается здесь от превратностей войны. Сегодня Марии Черни исполнилось двадцать три года, и она устраивает небольшой праздник. А какой праздник может обойтись без старого тапера Баумвейса?!

Маршал поднялся с кресла.

– Сударь, – сказал он, – мой корпус выступает отсюда завтра утром. Не будет ли неучтиво с моей стороны, если я присоединюсь к вам и проведу эту ночь в доме лесничего?

– Как вам будет угодно, – ответил Баумвейс и сдержанно поклонился, но было заметно, что он удивлен словами маршала.

– Но, – сказал маршал, – никому ни слова об этом. Я выйду через черное крыльцо и сяду в сани около колодца.

– Как вам будет угодно, – повторил Баумвейс, снова поклонился и вышел.

Маршал засмеялся. В этот вечер он не пил вина, но беспечное опьянение охватило его с необычайной силой.

– В зиму! – сказал он самому себе. – К черту, в лес, в ночные горы! Прекрасно!

Он накинул плащ и незаметно вышел из гостиницы через сад. Около колодца стояли сани – Баумвейс уже ждал маршала. Лошади, храпя, пронеслись мимо часового у околицы. Часовой привычно, хотя и с опозданием, вскинул ружье к плечу и отдал маршалу честь. Он долго слушал, как болтают, удаляясь, бубенцы, и покачал головой:

– Какая ночь! Эх, только бы один глоток горячего вина!

Лошади мчались по земле, кованной из серебра. Снег таял на их горячих мордах. Леса заколдовала стужа. Черный плющ крепко сжимал стволы буков, как бы стараясь согреть в них живительные соки.

Внезапно лошади остановились около ручья. Он не замерз. Он круто пенился и шумел по камням, сбегая из горных пещер, из пущи, заваленной буреломом и мерзлой листвой.

Лошади пили из ручья. Что-то пронеслось в воде под их копытами блестящей струей. Они шарахнулись и рванулись вскачь по узкой дороге.

– Форель, – сказал возница. – Веселая рыба!

Маршал улыбнулся. Опьянение не проходило. Оно не прошло и тогда, когда лошади вынесли сани на поляну в горах, к старому дому с высокой крышей.

Окна были освещены. Возница соскочил и откинул полость.

Дверь распахнулась, и маршал об руку с Баумвейсом вошел, сбросив плащ, в низкую комнату, освещенную свечами, и остановился у порога. В комнате было несколько нарядных женщин и мужчин.

Одна из женщин встала. Маршал взглянул на нее и догадался, что это была Мария Черни.

– Простите меня, – сказал маршал и слегка покраснел. – Простите за непрошеное вторжение. Но мы, солдаты, не знаем ни семьи, ни праздников, ни мирного веселья. Позвольте же мне немного погреться у вашего огня.

Старый лесничий поклонился маршалу, а Мария Черни быстро подошла, взглянула маршалу в глаза и протянула руку. Маршал поцеловал руку, и она показалась ему холодной, как льдинка. Все молчали.

Мария Черни осторожно дотронулась до щеки маршала, провела пальцем по глубокому шраму и спросила:

– Это было очень больно?

– Да, – ответил, смешавшись, маршал, – это был крепкий сабельный удар.

Тогда она взяла его под руку и подвела к гостям. Она знакомила его с ними, смущенная и сияющая, как будто представляла им своего жениха. Шепот недоумения пробежал среди гостей.

Не знаю, нужно ли вам, читатель, описывать наружность Марии Черни? Если вы, как и я, были ее современником, то, наверное, слышали о светлой красоте этой женщины, о ее легкой походке, капризном, но пленительном нраве. Не было ни одного мужчины, который посмел бы надеяться на любовь Марии Черни. Быть может, только такие люди, как Шиллер, могли быть достойны ее любви.

Что было дальше? Маршал провел в доме лесничего два дня. Не будем говорить о любви, потому что мы до сих пор не знаем, что это такое. Может быть, это густой снег, падающий всю ночь, или зимние ручьи, где плещется форель. Или это смех и пение и запах старой смолы перед рассветом, когда догорают свечи и звезды прижимаются к стеклам, чтобы блеснуть в глазах у Марии Черни. Кто знает? Может быть, это обнаженная рука на жестком эполете, пальцы, глядящие холодные волосы, заштопанный фрак Баумвейса. Это мужские слезы о том, чего никогда не ожидало сердце: о нежности, о ласке, несвязном шепоте среди лесных ночей. Может быть, это возвращение детства. Кто знает? И может быть, это отчаяние перед расставанием, когда падает сердце и Мария Черни судорожно гладит рукой обои, столы, створки дверей той комнаты, что была свидетелем ее любви. И, может быть, наконец, это крик и беспомощность женщины, когда за окнами, в дыму факелов, при резких выкриках команды наполеоновские жандармы соскакивают с седел и входят в дом, чтобы арестовать маршала по личному приказу императора.

Бывают истории, которые промелькнут и исчезнут, как птицы, но навсегда остаются в памяти у людей, ставших невольными их очевидцами.

Все вокруг осталось по-прежнему. Все так же шумели во время ветра леса и ручей кружил в маленьких водоворотах темную листву. Все так же отдавалось в горах эхо топора и в городке болтали женщины, собираясь около колодца.

Но почему-то эти леса, и медленно падающий снег, и блеск форелей в ручье заставляли Баумвейса вынимать из заднего кармана фрака хотя и старый, но белоснежный платок, прижимать его к глазам и шептать бессвязные печальные слова о короткой любви Марии Черни и о том, что временами жизнь делается похожей на музыку.

Но, шептал Баумвейс, несмотря на сердечную боль, он рад, что был участником этого случая и испытал волнение, какое редко выпадает на долю старого бедного тапёра.

1939

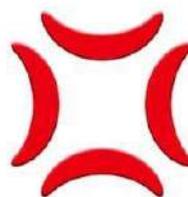
Задание №2 **Творческое задание**

Вы знаете, что эмодзи – это появившийся в Японии и распространившийся по всему миру графический язык, где вместо слов используются картинки или их сочетания, а также сами картинки. Ваша задача – придумать всплывающие подсказки, которые помогут пользователям соцсетей правильно понимать значение некоторых эмодзи. Подсказками должны являться цитаты из литературных произведений, например, строчки из стихотворений или крылатые фразы из прозы.

Ответ нужно оформить следующим образом: указать номер картинки, дать короткое пояснение с вашим пониманием ее смысла, привести соответствующую литературную цитату и указать автора и произведение, откуда она взята (см. Рис. 1).

1

2

3

4